

СТЕПАН МАЛЫЙ ИЗ ЧЕРНОГОРИИ

М. М. Фрейденберг

В начале 1766 г. в одном из сел Адриатического побережья Черногории появился бедно одетый чужестранец-знахарь. Он поселился в доме состоятельного черногорца Вука Марковича и не скрывал, что перед тем долго бродил по соседним странам, промышляя поденной работой. И у Марковича он работал батраком. Через некоторое время в его речах стали замечать таинственную важность. Поденщик отправил венецианским чиновникам в Котор для пересылки в Венецию, в сенат республики св. Марка, несколько писем, написанных нарочито туманно и с намеками на свое высокое происхождение. Некому ремесленнику он поручил даже отправиться с письмами в Россию, часто произносил загадочные слова вроде «недалеко до государя»¹. Скоро заметили, что хозяин стал обращаться с ним подчеркнуто почтительно. В августе — сентябре 1767 г. по окрестным селам разнеслась весть, что батрак из села Майне — русский царь Петр III². Впрочем, «царь» продолжал именовать себя Степаном Малым, но не из-за малого роста, а намеренно уничижительно — «малейший из малых», порою с некоторой манерностью: «с малыми — малый, с добрыми — добрый».

Как только прошел диковинный слух, все бросились разглядывать иноземца, пытаясь найти в нем сходство с портретами русского императора. «Лицо продолговатое, маленький рот, толстый подбородок..., блестящие глаза с изогнутыми дугой бровями. Длинные, по-турецки, волосы каштанового цвета... Среднего роста, худощав, белый цвет лица, бороды не носит, а только маленькие усики... На лице следы оспы... Кто бы он ни был, его физиономия весьма сходна с физиономией русского императора Петра Третьего... Его лицо белое и длинное, глаза маленькие, серые, запавшие, нос длинный и тонкий... Голос тонкий, похож на женский...»³. Позднее в беседе с русскими людьми он признался, что зовут его Раичевич и что он далматинец (хотя говорил он с боснийским акцентом). Лет ему было 35—38, а за плечами он имел долгие годы бродячей жизни в Австрии, Боснии и Дубровнике. В течение дальнейших 6 лет этот человек заметно влиял на судьбы черногорского народа, то становясь признанным руководителем страны, то уходя в тень.

1. Черногория в XVIII веке

Черногория XVIII столетия не была ни независимой, ни единой. Правда, ко времени появления Степана ядро страны, пять основных областей («нахий») были уже фактически свободными. Но формально султан сохранял суверенитет над всей территорией. Приморская же часть черногорских земель — Котор с его огромным заливом Боккой Которской; городки, лежавшие на берегах залива (Герцег-Нови, Рисан, Пераст,

¹ Эти сведения сообщает черногорский монах Аввакум, перешедший впоследствии на русскую службу (см. лучшую из имеющихся публикаций документов о Степане: М. Драговић. Документи о Шћепану Маломе. Из московскога Главнога архива Министарства иностранијех дела. «Споменик Српске Академије». Т. XXII. Београд. 1893, стр. 29).

² В. Макушев. Самозванец Степан Малый. «Русский вестник», т. 82, 1869, июль, стр. 5—43; август, стр. 572—604; т. 83, 1869, сентябрь, стр. 5—34; см. также: Г. Станојевић. Шћепан Мали. Београд. 1957.

³ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук». Ч. 45. СПб. 1888, стр. 565—566.

Доброта); сельские общины Адриатического побережья (Грбаль, Майне, Побори, Браничи)—все они находились под властью Венеции и составляли так называемую «венецианскую Албанию»⁵. Ею управлял из Котора наместник, «генеральный проведитор»; в водах каждого городка сновали венецианские галеры; население находилось под неослабным надзором чиновников, а осведомители регулярно сообщали в Венецию о повседневной жизни приморских жителей. Донесения этих агентов, сохранившиеся в архиве республики,—любопытный источник, содержащий сведения и о деятельности Степана Малого⁶. Таким образом, приморская часть страны испытывала заметное венецианское влияние. Многие жители служили в войсках и во флоте Венеции, говорили по-итальянски, одевались по венецианской моде. В горной же части страны в быту, одежде, вооружении, нравах и верованиях ощущалось многолетнее влияние турок. Часть населения подверглась исламизации, и борьба между христианами и «потурченцами» на рубеже XVII—XVIII вв. сотрясала Черногорию. Но существовало и третье влияние: чрезвычайно сильное воздействие России.

Оно ведет свое начало с похода русских войск на р. Прут в 1711 г., когда к черногорцам были посланы эмиссары Петра I во главе с Михаилом Милорадовичем с призывом восстать за христианскую веру. У черногорцев возникает с тех пор особое отношение к памяти Петра и к имени «Петр»⁷. Спустя несколько лет митрополит Данила совершил первую поездку в Россию. Затем на протяжении десятилетий черногорские владыки получали от российского казначейства и синода ежегодные субсидии, а также литургические принадлежности, книги, облачения, митры, нередко лично путешествуя за этим в Петербург⁸. Так в среде черногорцев сложилось убеждение, что Россия неравнодушна к судьбам маленького народа и что освобождение от власти турок придет только в союзе с этой державой.

Но страна не знала и внутреннего мира, она была лишена настоящей государственной организации. 300 лет Черногория находилась в составе Османской империи, и некогда существовавший здесь аппарат управления был заменен турецкой администрацией. Но султаны сохранили местное самоуправление в общинах и не очень-то стремились овладеть неприступными горами. Когда же началось освобождение Черногории от власти турок, на отвоеванных землях возрождалась не дотурецкая, а порою догосударственная структура управления, известная под названием «племенной». В общественной жизни, в военном деле, в отношениях собственности образующей ячейкой было «племя» — несколько тысяч человек, живших под управлением старшин («главарей», сердарей, воевод) и сообща владевших горными пастбищами. Они обладали оружием и сохраняли в поведении, быту и образе мышления черты первобытнообщинного демократизма. Черногория не была исключением среди других балканских стран. Все горные районы полуострова вплоть до нового времени являлись заповедником архаических отношений; в Албании, например, родоплеменной строй дожил до начала нашего столетия⁹. Черногорские порядки были схожи с албанскими: существовали межплеменные, межродовые и межсемейные распри, кровная месть уносила массу жизней. Всеобщее ожесточение делало облик черногорца XVIII в. еще более «первобытным»¹⁰. Так, убийства на горных тропах, истребление целых семей, сбор отрубленных голов в качестве военных трофеев оставались там вполне привычным явлением. В сознании значительной части черногорцев преобладали настроения воинственной непокорности, стремление отстоять свои племенные вольности, нежелание подчиниться монархической власти. Вот психологический фон, на котором действовал Степан Малый и с которым он был вынужден серьезно считаться.

⁵ Неточно утверждение в «Советской исторической энциклопедии» о том, что в результате венецианско-турецких войн Венеция лишилась почти всех своих владений на Балканах (СИЭ. Т. 3, стр. 335). Помимо Албании, венецианцы располагали еще почти всей Далмацией.

⁶ Последние собрал и издал С. Антоляк. Неколько докумената о мисији кнеза Долгоруковог у Црној Гори (1769). Цетиње. 1949.

⁷ М. Костић. Култ Петра Великог међу Русима, Србима и Хрватима у XVIII веку. «Историјски часопис». Књ. VIII. Београд. 1958, стр. 83—106.

⁸ «Историја народа Југославије». Књ. 2. Београд. 1960, стр. 1178—1185.

⁹ Ю. В. Иванов а. Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М. 1973, стр. 124 сл.

¹⁰ И. С. Достян. Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского. «Славяно-балканские исследования». М. 1972.

Единственной связью, которая объединяла черногорские племена, была духовная власть митрополита, церковного владыки. Он жил в одном из монастырей, чаще всего в Цетинье, носил титул экзарха и был независим в церковном отношении. Постоянные войны, в которых он участвовал, придавали ему облик военачальника, и его пастырский авторитет приобрел тенденцию к превращению в светскую власть. Так в Черногории в XVIII в. возник своеобразный теократический режим¹¹. Самозванцу предстояло определить свое отношение и к нему.

2. Первые шаги самозванца. Реформы

Сразу же после того, как Степан «признался» в своем царском происхождении, нашлись люди, которые «узнали» в нем Петра III. Некоторые из них в свое время побывали в России (Марко Янович, монах Феодосий Мркоевич, игумен Йован Вукичевич), и их свидетельствам особенно поверили. В одном монастыре нашли портрет императора; сходство «подтвердилось». Несколько позднее с агитацией в пользу Петра III выступили видные православные иерархи¹². Особенно поразил Степан черногорских старшин, когда потребовал у них отчета в том, куда они дели присланные из России золотые медали (он узнал о них от русского офицера, побывавшего в Черногории незадолго до того¹³). Эти факты убедили даже некоторых венецианцев, в среде же черногорцев убеждение стало всеобщим. 14 октября в селе Цегличи (в горах, но не в Приморье) совет старшин принял Степана как царя. Так самозванец начал свое восхождение к власти. Затем последовала его встреча с митрополитом Саввой, престарелым владыкой, фактическим правителем страны. Архиерей был захвачен общим настроением, покинул горы и сам приехал к Степану в Майне, где самозванец обрушил на него поток красноречия, укоряя черногорское духовенство в пороках. Черногорский пастырь был подавлен, он пал Степану в ноги и расстался с ним, побежденный.

В конце октября в Цетинье состоялось решающее собрание — уже не узкий совет старшин, а всенародная сходка («скупщина», «збор»), куда явилось до 7 тыс. человек, большая часть боеспособного мужского населения страны. Степан позволил себе не присутствовать на ней и ждал выборных от народа, находясь в Майне. Но его первый указ был прочитан на сходке и немедленно принят к исполнению. Это был призыв к установлению мира в стране и немедленному прекращению кровных распрей. Как только сходка закончилась, началось паломничество к новому правителю: сотни людей стали спускаться на побережье, к дому Степана. «Царь» встречал их, окруженный телохранителями, благословлял пришедших, выкатывал им бочки с вином, полученные от митрополита (своих доходов у «царя» не было еще довольно долго). Черногорцев охватил энтузиазм: у них теперь был свой царь; русский император чудесным образом спасся и местом убежища избрал Черногорию! Венецианские власти были бессильны помешать чему-либо. «Благоразумие не позволяет мне прибегнуть к решительным мерам, чтобы не возбудить открытого сопротивления...» — писал генеральный проведитор из Котора; когда в начале ноября 1767 г. Степан в первый раз объехал страну, его повсюду встречали выражениями восторга. «Наконец бог дал нам... самого Степана Малого... который умиротворил всю землю от Требинья до Бара без веревки, без галеры, без топора и без тюрьмы»¹⁴, — восхищенно писал один из старшин, противопоставляя Степана венецианцам. «Наиславный, наивозвышенный, наивеликий... господин, господин государь, царское крыло, небесный ангел...»¹⁵ — так обращался к нему губернатор, только что избранный на свой пост. Самозванец переживал дни триумфа.

Обращает на себя внимание любопытная подробность. Все считали самозванца Петром и в то же время именовали его Степаном, как бы признавая соединение в од-

¹¹ И. Роганович. Черногорский теократизм (1496—1851). Казань. 1899; D. Vujović. Specifičnost razvitka Crnogorske države. «Jugoslovenski istorijski časopis». 1973. № 1—2.

¹² М. Драговић. Указ. соч., стр. 12.

¹³ Это был майор Михаил Тарасов, который привез в Черногорию вещи скончавшегося в России черногорского владыки Василия Петровича (там же, стр. 31).

¹⁴ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 85.

¹⁵ Там же, стр. 86.

ном лице двух личностей; да и сам он поддерживал иллюзию: он подписывался именем «Степан» и приказал вырезать титул «милостью божией Степан Малый» на государственной печати. Ведь имя Степан само по себе обладало царственным смыслом: «стефанос» по-гречески означает «венец». Кроме того, оно было присуще сербским государям из династии Неманичей, и самозванец недаром удерживал его за собой¹⁶. Человек без роду и племени, он тем самым присваивал сербскую историческую традицию. Но в глазах современников он оставался прежде всего русским царем, и впоследствии это породило некоторые курьезы. Так, после смерти Степана отдельные черноморские старшины предложили отправить в Петербург его одежду и оружие, а некий житель Боки Которской потребовал у Екатерины II пенсию на том основании, что в свое время служил ее «мужу»¹⁷.

Но то было впоследствии. А пока Степану предстояло позаботиться об упрочении своей власти. Он распустил слух о якобы полученных им письмах, где ему сообщали, дескать, о вступлении русских войск в Валахию, а австрийских — в Боснию. Внезапно у него обнаружился недоброжелатель — старый владыка Савва, который с трудом мирился с возвышением самозванца. Подчинившись Степану, старик написал русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову о черноморских делах. Обресков сразу же ответил («Удивляюсь, что ваше преосвященство... впали в равное с... вашим народом заблуждение»), и Савва немедленно выступил против Степана, разослав копию письма во все черноморские общины. Положение Степана осложнилось. В феврале 1768 г. в митрополичьем монастыре Станевичи была созвана сходка старшин, на которую вызвали Степана. Самозванец пустил в ход сильнодействующее средство: обвинил митрополита в том, что последний находился на содержании у венецианцев (что было недалеко от истины), а затем предложил присутствующим разделить между собой митрополичье имущество. Стада владыки, его дом, монастырь и еще несколько церквей были мгновенно разграблены, сам он и его родня взяты под стражу, монахи разогнаны¹⁸. Степан вновь оказался хозяином положения; его ближайшим советником стал теперь сербский патриарх Василий Бркич, незадолго до того изгнанный из своей резиденции в г. Печ: в 1766 г. автокефальная сербская церковь была упразднена турками. Силы самозванца постепенно росли¹⁹.

И в роли руководителя страны Степан оказался не так уж прост. Он не увлекся военными предприятиями, не стал разыгрывать и роль самодержца, ограничившись тем, что приказал намалевать двуглавого орла на стене своей комнаты. Он энергично занялся созданием в Черногории неплеменной системы управления, построенной по государственному образцу. В этом деле он обнаружил энергию, дальновидность и трезвый политический расчет. Он начал с попытки искоренения всех и всяческих распрей — от счетов, сводимых в порядке кровной мести, до межплеменных войн. Вечный мир — вот его первое требование. В своих публичных заявлениях Степан повторял одно и то же слово: мир, мир и мир! Требование мира стало лейтмотивом всей его деятельности. Вспомнив, в каком состоянии находилась Черногория того времени, можно понять, почему самозванец начал с обуздания анархии.

Но в централизаторских усилиях Степана заметна известная логика. Наряду с призывами к миру он выдвинул довольно четко очерченный план преобразований. Активным преследованиям подверглась кровная месть, за нее устанавливалось изгнание из страны. Были введены строгие наказания за воровство и грабеж. В стране, где угон скота считался обыденным делом, это явилось смелым вызовом общественному мнению. До тех пор ношение оружия было неотделимо от представления черногорца о личной свободе. Степан же распорядился, чтобы пустивший оружие в ход и совершивший убийство наказывался смертью, а в случае его бегства с его родственников взималась плата. В мае 1768 г. были вынесены и приведены в исполнение первые приговоры: повешен за братоубийство один черногорец, двое подвергнуты штрафу в 100 дукатов. Всем покинувшим страну было разрешено вернуться. Наконец, Степан решился на вторжение в область брачных традиций: каждый, взявший себе чужую жену,

¹⁶ М. Драговић. Указ. соч., стр. 5.

¹⁷ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 86.

¹⁸ М. Драговић. Указ. соч., стр. 17—18. Впрочем, уже в апреле Савва был освобожден из-под стражи.

¹⁹ Он уверял, что может в три дня собрать 30-тысячное войско (там же, стр. 16).

должен был оставить ее. Правда, проводить в жизнь все это было нелегко, ибо в стране не имелось ни судебного аппарата, ни постоянного войска, ни чиновников, ни стражи на дорогах. Степан мог рассчитывать лишь на свою личную охрану — отряд из 10—15 человек. Лишь в конце 1772 г. некто С. Баряктарович, находившийся ранее на русской службе, возглавил отряд в 80 человек и начал контролировать исполнение судебных приговоров. Выносить же эти приговоры стал суд из 12 человек, заново созданный Степаном (первая попытка введения такого суда была предпринята ранее). Наконец, с именем самозванца связана идея переписи населения. До тех пор никто не знал толком, сколько народу обитает на Черных горах. Пять старшин вместе со священником были выделены для этой цели, и перепись 1776 г. дала примерную цифру: около 70 тыс. человек²⁰.

Современники внимательно следили за реформами, начатыми «царем», и в народе сохранилась память о порядке, воцарившемся на дорогах, и о резком сокращении кровавых распри. «Прекратил между славянским народом разных званий издревле бывшие между ними вражды»²¹, — доносил в Петербург А. М. Обресков из Константинополя. «Начал между народом черногорским великое благополучие чинить и такой мир и согласие, что у нас еще никогда не было»²², — писал Савва. Сам Степан извещал русского посланника в Вене: «Черногорцы, примирясь между собой, простили один другому все обиды»²³. Следует помнить, что все это было достигнуто в условиях борьбы с венецианцами и турками, когда Степану приходилось маневрировать, отступать и даже скрываться то от венецианцев, то от турок. Тем не менее авторитет его был так велик, что родился даже рассказ, как самозванец рассыпал монеты на одной из горных дорог, бросил там пистолет в серебряной оправе, и вещи несколько месяцев лежали нетронутыми²⁴. Реформы Степана можно рассматривать в качестве первого опыта создания в Черногории настоящей государственной системы.

Известность Степана Малого ширилась. Некоторые села в Албании стали отказывать туркам в уплате харача, из других мест поступали письма, что народ «готов пролить кровь за царскую славу»²⁵. Энергичных приверженцев Степан нашел на Адриатическом побережье. В окрестностях Боки Которской какой-то почитатель сложил на итальянском языке сонет, где повествовалось, как «спустя пять лет после того, как ужасным образом сорвана корона с чела, приходит беспокойная тень в эти горы, чтобы найти здесь благочестивое успокоение» (Степан действительно появился в Черногории в 1767 г.; автор стихов был хорошо осведомлен о том, что произошло в России в 1762 г.)²⁶. Далее следовал странный призыв: «Но если не хочешь отдыха на этой земле, иди туда, роковая тень, где у тебя было отнято царство, и подними войну»²⁷. Автор сонета как бы предвидел Крестьянскую войну 1773—1775 годов. И вот в начале 1774 г. дубровницкий посланник в Петербурге Ранина пишет на родину, что «в губернии Оренбург, около сибирской границы, восстал один человек, в некотором роде Степан Малый, который выдает себя за Петра Третьего»²⁸.

3. Войны

Первые удары, которые нанесли соседние державы по режиму, создававшемуся Степаном, последовали с Адриатики. Венеция была обеспокоена судьбой своих далматинских владений, население которых недвусмысленно выражало симпатии Степану. Вначале правительство республики решило обойтись без войны; которский проводник получил предписание от суда инквизиторов в Венеции «прекратить жизнь иностранца, виновника происходящих в Черногории волнений», несколько флаконов с ядом и отравленный шоколад. Исполнителю, пусть даже и преступнику, были обещаны

²⁰ «Enciklopedija Jugoslavije». 2. Zagreb. 1956, str. 413.

²¹ М. Драговић. Указ. соч., стр. 7.

²² Там же, стр. 5.

²³ Там же, стр. 6.

²⁴ Там же, стр. 7; D. Vujović. Op. cit., str. 50.

²⁵ С. Љубић. Споменци о Шћепану Маломе. «Гласник Српског ученог друштва». Т. II. Београд. 1870, стр. 57.

²⁶ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 29.

²⁷ Там же.

²⁸ М. М. Фрейденберг. Новая публикация о пугачевском восстании. «История СССР», 1965, № 1, стр. 208—209.

прощение, убежище в Венеции и 200 дукатов. Однако отравление не состоялось: ни местный лекарь, ни священник-грек, нанятые венецианцами, не смогли пробраться к Степану, которого днем и ночью охраняла стража. Степан же всячески старался сохранить добрые отношения с республикой. «Вижу, что готовите войска для того, чтобы опустошить три общины (Маине, Побори и Браичи, перешедшие на сторону Степана. — М. Ф.), которые никому не причинили зла... Прошу не губить людей ради меня и оставить меня в покое»²⁹, — писал он сенату. Эти письма не имели успеха. С помощью своих агентов в Боке венецианцы старались привлечь черногорцев на свою сторону. Сохранившие им верность приморские общины, самой крупной из которых были Паштровичи (вблизи Будвы), дали обещание «никоим образом не принимать ни Степана Малого, ни кого-либо из его дружины». А жители общины Грбаль укорили сторонников Степана в том, что «царем Московским поставили некоего негодяя... Разве вы, черногорцы, не слышали, что царь Московский преставился и царица Московская о том известила миру?». Те немедленно ответили: «Вы называете Степана злым человеком, а мы находим, что такого среди нас нет... Придет время, и вы его узнаете»³⁰.

Таким образом, венецианцам удалось расколоть черногорские общины в Приморье, после чего вспыхнули военные действия. В апреле 1768 г. 4-тысячный отряд был двинут на Маине, где собралось до 300 вооруженных сторонников Степана. Самозванец ушел в горы, и венецианское войско остановилось³¹, блокировав Черную Гору с моря. Следует помнить, что зависимость горцев от равнинных базаров была огромна; это отлично иллюстрируют слова, сказанные русским вице-консулом в Призрене И. Ястребовым сто лет спустя: если горцы восстанут, то турецкое правительство легко справится с ними, оно «запрет базары» и уморит восставших голодом³². Черногорцы и в самом деле остались без припасов. В письме венецианскому наместнику А. Раньеру в июле 1768 г. губернатор и воеводы выразили негодование по поводу того, что их принимают за неприятелей «без всякой нашей вины.., и еще турецкую силу на нас зовете». Вместе с тем в строках своего послания они признавались в верности Степану, называя его «человеком из царства Московского, которому мы обязаны везде до последней капли крови служить, будучи объединенными одной верой и законом, и язык у нас один. Все мы умрем.., но от Московского царства отойти не можем»³³. В октябре 1768 г. в черногорском Приморье высадились венецианские карательные войска. Все села были заняты, народ в страхе разбежался, начались массовые репрессии. Дома наиболее активных сторонников Степана Малого были сожжены, 4 защитника казнены, 23 сосланы на галеры, у многих конфисковано имущество. Наиболее тяжелый урон понесло духовенство; один из монастырей был полностью опустошен, венецианцы не могли простить монахам поддержки, оказанной ими самозванцу.

Разгром, который учинили венецианцы среди преданных Степану общин на побережье, оказался первым ударом, второй нанесли турки. В Стамбуле увидели в появлении Степана серьезную угрозу турецким интересам, ибо Черногория теряла характер племенной россыпи и превращалась в государственное образование, вокруг которого могли сплотиться антитурецкие элементы. Так и произошло: около 10 черногорских племен, находившихся под турецким управлением (Шипери, Кучи, Никшичи и др.), восстали и признали Степана своим царем. Сам Степан не был намерен воевать с турками. Он полностью прекратил набеги черногорских «четников» на турецкие области и вступил в переписку с османскими властями в Скадаре и Сараеве, обещал свою вассальную зависимость, убеждал, что «было бы грешно проливать столько невинной крови как турок, так и черногорцев, и хорошо, что мы живем в мире», соглашался уплатить харач и выдать заложников. Но тщетно!

В январе 1768 г. в Боснии и Албании стали собираться войска, а в июне с севера и юга они были двинуты против Черной Горы. По официальным данным, в них числилось 100—120 тыс. человек (в действительности, видимо, не более 50 тыс.). В любом случае то была внушительная цифра, поскольку в Черногории в то время

²⁹ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 41.

³⁰ Там же, стр. 42—43.

³¹ М. Драговић. Указ. соч., стр. 23.

³² Ю. В. Иванов а. Указ. соч., стр. 59.

³³ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 44.

проживало не более 70 тыс. человек³⁴. Лишь в самый последний момент с отрядом в 2 тыс. человек Степан занял горный проход у села Острог на притоке реки Морачи. Здесь 5 сентября произошла единственная битва в этой войне. Турецкие войска окружили черногорцев и обратили их в бегство. Это сражение надолго определило судьбу Степана. Он показал себя не просто скверным военачальником, но и откровенным трусом: бросив оружие, самозванец постыдно бежал с поля боя, а в среде черногорцев такое не произошло никогда. Престиж Степана резко упал, и он тотчас почувствовал это. Он скрылся и 9 месяцев прятался в одном из монастырей. Первый период его пребывания в Черногории, период его единоличного правления, закончился. Приостановилось и турецкое наступление — 24 сентября атаки турок были отбиты с большими для них потерями, на следующий же день хлынули дожди. Начавшаяся русско-турецкая война сделала возобновление похода на Черную Гору невозможным. И эта же война открыла для Степана новый путь к власти.

4. Миссия Ю. В. Долгорукова

Правительство Екатерины II получило сведения о Степане Малом от своих дипломатов — А. М. Обрескова в Стамбуле³⁵ и Д. М. Голицына в Вене. При русском дворе отнеслись к этому известию спокойно, ибо вскоре убедились, что Степан в русские дела не вмешивается, а для борьбы в тылу у турок он будет бесполезен. Письма Екатерины II по этому поводу полны соображений о том, как разумнее поступить в сложившейся ситуации, в частности, что делать с эмиссарами Степана³⁶. Единственное, чего хотели добиться от него, — заставить «бросить самозванство». Вначале в Иностранной коллегии намеревались послать в Черногорию для уговоров Степана монаха-серба Софрония Плевковича. Затем Софрония сочли ненадежным, и весной 1768 г. посланнику в Вене кн. Д. М. Голицыну было предложено тайно отправить к черногорцам одного из своих дипломатов.

Выбор пал на советника посольства Е. И. Мерка³⁷. Последний был уже на пути к черногорским берегам, но тайны сохранить не удалось, и об этом узнали в Константинополе. Порта решила, что русский агент едет подстрекать черногорцев против турок³⁸, и под ее давлением венецианские власти не пустили Мерка в Черногорию. Свой отказ венецианцы сопроводили письмом к русскому послу в Вену, сославшись на необходимость сохранения «между республикою и Портой отоманскою вечного мира»³⁹, а русское правительство открыто объяснило этот поступок «робостью против отоманской Порты»⁴⁰. Е. И. Мерку удалось все же прибыть в Котор. Но ни ехать далее в горы, ни даже увидеться с черногорскими делегатами, которые специально спустились с гор и ждали в предместье Котора, ему не позволили. Русская дипломатия была обескуражена. Вице-канцлер А. М. Голицын с негодованием писал о том, «какое вышло... чудовище по непостоянству и превратности венецианских сенаторов. Нельзя на слова... их послов и министров полагаться»⁴¹.

Было решено избрать другой путь. Летом 1769 г. в Черногорию выехала миссия во главе с князем Ю. В. Долгоруковым, которой суждено было сыграть особую роль в судьбе Степана Малого. Два русских источника дают представление об этой экспе-

³⁴ В «Историја народа Југославије» (кн. 2, стр. 1170) дана цифра в 40 тыс. человек.

³⁵ Еще с 1767 г., а не с 1768-го, как полагал С. М. Соловьев (С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен». Кн. XIV. М. 1965, стр. 308).

³⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 311—312. С. М. Соловьев пишет только об Эздемировиче и Беличе. Он не знал о монахах Г. Дрекаловиче, Аввакуме и нескольких других. Последние были отправлены в Вену с письмами к русскому послу, надолго задержаны на австрийской границе, и по их поводу возникла длительная переписка между Д. М. Голицыным и вице-канцлером А. М. Голицыным (М. Драгович. Указ. соч., стр. 6, 7, 9—10, 15, 17, 29, 35, 37, 39—40).

³⁷ Указом Екатерины II от 14 марта 1768 г. ему было предложено ехать «в черногорские жилища» и все разузнать о Степане Малом (там же, стр. 13—14).

³⁸ Рейс-эффенди вызвал А. М. Обрескова и сделал демарш (В. Макушев. Указ. соч., стр. 7).

³⁹ М. Драгович. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁰ Там же, стр. 25.

⁴¹ Там же, стр. 26.

диции: мемуары самого Долгорукова (там черногорским делам уделено две страницы)⁴² и обстоятельный дневник миссии, принадлежащий, возможно, майору А. Г. Розенбергу⁴³. Кроме того, недавно в Югославии были опубликованы венецианские донесения об этой миссии⁴⁴. Наиболее достоверным и обстоятельным документом является именно «Журнальная записка», где день за днем зафиксированы события, происходившие с августа по ноябрь 1769 года.

12 августа команда в 9 офицеров и 17 солдат из числа тех, кто вместе с графом А. Г. Орловым был послан в Средиземное море⁴⁵, под началом Ю. В. Долгорукова прибыла из Анконы на Черногорское побережье. С собою она привезла около 100 бочек пороха и 100 пудов свинца. Затем миссия, с трудом преодолевая ущелья и каменные россыпи, поднялась в горы к монастырю Брчели, где русских встретило духовенство. На следующий день под эскортом нескольких черногорцев к князю явился Степан Малый. Автор «Журнальной записки» называет его «вздорным комедиантом» и «ветренным или совсем сумасбродным бродягой»⁴⁶. Долгоруков не скрывал, что намеревается собрать всех черногорцев, чтобы разоблачить самозванца. Однако Степан не был склонен сдаваться без борьбы. Через несколько дней князь узнал, что он объезжает деревни и возмущает народ, а приказ арестовать его не выполнен.

17 августа на поле перед воротами Цетинского монастыря состоялась многочисленная сходка. В присутствии Долгорукова, губернатора, старшин и 2 тыс. собравшихся один из монахов огласил грамоту Василия Бркича, в которой патриарх именовав Степана обманщиком, неизвестным бродягой, «возмутителем покоя и злодеем нации». Патриарх разуверился в Степане и связал свою судьбу с русскими. Поднявшись с места, Долгоруков подтвердил, что Степан — «самозванец, плут и бродяга»⁴⁷. Народ безмолвствовал, и князь решил, что разоблачение самозванца достигнуто. После обеда был прочитан по-русски, а затем объяснен по-сербски манифест Екатерины II от 19 января 1769 г., в котором императрица объявляла христианским народам Балканского полуострова о войне России с турками и призывала их подняться за веру⁴⁸. Затем собравшимся был задан вопрос: «Обещает ли народ черногорский... со своей стороны верность и усердие и желает ли это утвердить присягою?». В ответ раздался громкий одобрителный крик. Началось целование креста евангелия, которое длилось до позднего вечера. Затем князь распорядился раздать народу 400 дукатов и распустил всех по домам.

На рассвете следующего дня к Цетинскому монастырю верхом и с обнаженной саблей в руке примчался самозванец. Его появление было встречено народным ликованием. Началась пальба из ружей, черногорцы отовсюду сбегались к своему предводителю и, окружив его, двинулись к монастырю, «позабыв вчерашнюю присягу», — как пишет автор «Журнальной записки». В последнем позволительно усомниться. Ведь для черногорцев присяга на верность Екатерине II вовсе не исключала преданности Петру III, Степану. Их попытались разубедить всего за один день люди незнакомые и говорившие хотя и на близком, но малопонятном языке. Они так и не разобрались толком, чего же от них хотят.

У ворот монастыря наступил решающий момент: за кем пойдет население? Из дневника экспедиции не явствует, как сумел добиться Долгоруков перелома в настроении народа, но дело длилось несколько часов. Наконец, престиж русского генерала взял верх. Степана отвели в монастырь, обезоружили и стали допрашивать перед всеми собравшимися. И тут-то события повернулись для самозванца самым неблагоприятным образом. Он поступил необдуманно, дав себя обезоружить (в глазах черно-

⁴² «Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова». «Русская старина», т. XIII, 1889, сентябрь, стр. 494—495.

⁴³ Так предполагает опубликовавший ее издатель «Русского архива» А. Бартнев (см. «Журнальная записка происшествия во время экспедиции его сиятельства князя Юрия Владимировича Долгорукова от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора в Черную Гору для учинения оттуда в Албании и Босне неприятелю диверзии. 1769 год». «Русский архив», т. 24, 1886, кн. 4, стр. 389—437.

⁴⁴ С. Антоль а к. Указ. соч.

⁴⁵ Е. В. Тарле. Три экспедиции русского флота. М. 1956, стр. 27—55.

⁴⁶ «Журнальная записка», стр. 392—393.

⁴⁷ Там же, стр. 395.

⁴⁸ «Сборник имп. Русского исторического общества». Т. 87. 1893, стр. 322—326

горца это уже само по себе являлось бесчестьем), а ведь Степан уже бросил однажды свое оружие в бою. Не исключено, что в ответ на вопрос Долгорукова, «кто он таков и откуда родом», он признался в своем подлинном происхождении. Как бы то ни было, зрелище опозоренного «царя» вызвало перемену в настроении собравшихся. Их охватила ярость, раздались крики: «Повесить!», «Изрубить на куски!». Русским с трудом удалось удержать толпу от самосуда. Самозванец оказался в тюрьме.

Долгоруков стал теперь первым «главарем» Черногории. Он продолжал рассылать письма воеводам соседних областей, в турецкие Боснию и Герцеговину, готовя выступления против Порты⁴⁹. Но наряду с этим он попытался вмешаться во внутреннюю жизнь местных племен и, в свою очередь, распорядился забыть прежние обиды, раздоры и разрешать все споры не с помощью кровной мести, а судебным порядком⁵⁰. Весьма характерно, что, отстранив самозванца, Ю. В. Долгоруков был вынужден, по существу, продолжить его деятельность. Однако добиться успеха ему не было суждено, так как отношения между генералом и местным населением стали неожиданно портиться. 11 сентября старшины Катунской и Риекской нахий и с ними 30 человек собрались при поддержке владыки Саввы у тех же ворот Цетинского монастыря и потребовали встречи с князем. Выборные представили ему ряд требований, которые можно свести к трем основным: сохранить прежние свободы черногорцев, в частности, не лишать их оружия, и отказаться от военного постоя; отказаться от планов создания центрального управления в стране (не вводить никаких судебных органов, не принуждать к исполнению государственных повинностей); сохранить все владения Цетинского монастыря⁵¹. Раздосадованный Долгоруков выгнал делегатов. Нетрудно представить, какое негодование это вызвало.

Князь увидел, что его стремление насильно внести элементы нового порядка в жизнь черногорского общества встречает сопротивление. Последнюю попытку создать единый суд для всей страны он предпринял в середине октября. Но дни пребывания русской миссии в Черногории были сочтены. Начиная с сентября, дневник экспедиции пестрит выпадами против черногорцев, их образа жизни, порядков и поведения в быту. Автор «Журнальной записки» переносит на ее страницы то ощущение провала и бесперспективности поездки, которое мало-помалу распространилось в отряде. Приходится догадываться, что самоуверенный генерал⁵² вел себя в общении с горцами не так, как следовало. Барин, крепостник, вельможа столкнулся с людьми гордыми, независимыми, обладавшими большим чувством достоинства, привыкшими с оружием в руках отстаивать свою честь. Разговаривать с ними грубо было неразумно, оказывать давление не рекомендовалось⁵³, а рукоприкладствовать было вообще рискованно. Между тем нетрудно догадаться, что делал Долгоруков, если выборные, явившиеся к нему 11 сентября, потребовали не бить их и не казнить.

В этой связи имеет смысл вспомнить историю, которая произошла в царствование Елизаветы. Российской императрицу осенила идея, что хорошо было бы набрать в Черногории полк солдат на русскую службу. Русскому посланнику в Вене графу Кейзерлингу для этой цели были посланы инструкции, около 8 400 червонцев, и в 1756—1759 гг. в Россию переселилось полторы тысячи черногорцев. Что произошло дальше, весьма показательна для характеристики психологии рядового черногорца того времени. Полку был определен в начальники генерал-поручик Хорват, не

⁴⁹ В литературе отмечается, что, несмотря на неудачу попыток Ю. В. Долгорукова поднять черногорцев на восстание против турок, турецкие войска на Балканах оказались прочно скованными (см. М. Вујачић. Двије разуре Требјешана и постанак племена Ускоци. «Српска Академија наука и уметности. Глас.», 230, Београд, 1971, стр. 249). Миссия Долгорукова рассматривается в одном ряду с деятельностью Г. Попадопуло в Греции, Бидили в Албании и др. (К. Косев, С. Дойнов. Русско-турецкие войны во второй половине XVIII—XIX вв. в исторической судьбе балканских народов «IIIe Congrès international d'études du Sud-Est européen. Resumés des communications». T. I: «Histoire». Bucarest. 1974, p. 227).

⁵⁰ «Журнальная записка», стр. 400.

⁵¹ Там же, стр. 404.

⁵² Его облик выразительно характеризует Е. В. Тарле (Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 53—54).

⁵³ Ср. слова С. А. Санковского: «Характер... черногорцев не терпит изъявлений привестъ его к вынужденному повиновению, употребляя на то силу или страх» (И. С. Достаян. Указ. соч., стр. 296).

черногорец и, видимо, не православный. Переселенцы возмутились. Они потребовали, чтобы командование вручили либо выборному из их среды, либо русскому офицеру. Когда же этого не произошло, они тотчас поднялись и стали возвращаться на родину⁵⁴. Свободные горцы не потерпели, чтобы их судьбой распорядились без их согласия. Нетрудно поэтому понять переход от восторга, с которым черногорцы встретили Долгорукова в начале августа, к прямым покушениям на его жизнь, участвовавшим с конца сентября. А 11 октября несколько десятков вооруженных людей предприняли нападение на Цетинский монастырь, где дислоцировался русский отряд⁵⁵. Князь писал позднее, что турки назначили за его голову 5 тыс. дукатов, и некоторые черногорцы были готовы выдать его⁵⁶. Среди офицеров отряда создалось впечатление о готовящейся измене. Возможно, их сбilo с толку то, что черногорцы постоянно спускались с гор на городские рынки, находившиеся под иноземным контролем⁵⁷.

Продолжали к тому же действовать силы, препятствовавшие объединению страны и стремившиеся сохранить племенную разобщенность. По-видимому, к ним следует отнести часть старшин — племенной верхушки. Наконец, митрополит Савва, который раньше ссорился только с патриархом Василием, теперь начал тайком возбуждать народ против русских, утверждая, что «российские господа приехали в Черную Гору навесьть нам турецкую войну, а через то разорить нас»⁵⁸. Тем самым Савва как бы вновь оказывался союзником Степана Малого. Вероятно, правы были в Петербурге, полагая, что самозванец держал владыку под стражей только для виду, а на самом деле все время действовал с ним «во всегдашнем единении»⁵⁹. Возможно, здесь сказались и старые, провенецианские симпатии митрополита, который долгие годы был платным агентом республики. «Я отправил доверенное лицо, — писал дожу венецианский наместник Кондульмер, — которому поручил заметить владыке, что его поведение противоречит обязательствам, данным им дожу». Савва ответил письмом, в котором просил извинения за то, что ничего не может сделать с русскими, и возобновлял уверения в прежней преданности Венеции⁶⁰.

Венецианцев миссия Долгорукова обеспокоила чрезвычайно. Возродились их старые опасения, что русские поссорят республику с турками. Русский резидент в Венеции маркиз Маруцци в свое время прямо писал об этом Н. И. Панину. Кроме того, солдаты республики, набранные из славян, дезертировали в русский лагерь. Их набралось до 90 человек⁶¹. А моряки из Боки Которской массовым порядком вступали в русский флот под командованием А. Г. Орлова (об этом свидетельствуют недавно опубликованные документы из Которского архива)⁶². Поэтому венецианцы активно выступили против русских. Они закрыли все морские порты для черногорцев⁶³, с помощью разветвленной сети осведомителей собирали регулярные сведения о действиях русских и сообщали их туркам⁶⁴. Власти в Которе отказались пропустить в Италию посланного Долгоруковым офицера⁶⁵, а у некоторых итальянских дезертиров, поступивших на русскую службу, были найдены подозрительные снадобья.

Оказавшись перед лицом таких трудностей, Долгоруков стал искать надежных советников. В октябре пошли слухи, что он регулярно встречается с сидящим под замком Степаном («имея всегда тайное с ним свидание, ничего не делает без его совета»⁶⁶). А 24 октября русская миссия покинула Цетинский монастырь и двинулась к морю, где ее ждало заранее нанятое судно. Русских сопровождали около 50 взя-

⁵⁴ М. Драгович. Митрополит черногорский Василий Петрович и его сношения с Россией. СПб. 1882, стр. 43—48.

⁵⁵ «Журнальная записка», стр. 421.

⁵⁶ «Записки князя», стр. 494—495.

⁵⁷ Г. Станојевић. Указ. соч., стр. 72.

⁵⁸ «Журнальная записка», стр. 420.

⁵⁹ М. Драговић. Указ. соч., стр. 23.

⁶⁰ В. Макушев. Указ. соч., стр. 25.

⁶¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 313.

⁶² С. Мижушковић. Учешће Бокелџа у Руској флоти на Медитерану (1769—1774). «Годишњак Поморског музеја у Котору». Т. X. Котор. 1962, стр. 145—159; «12 vjekova Bokeljske mornarice». Beograd. 1972, str. 156—164.

⁶³ С. Антољак. Указ. соч., стр. 24.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 73.

⁶⁶ «Журнальная записка», стр. 420.

тых на службу черногорцев, патриарх Василий, митрополит Савва и... Степан Малый. Степану была возвращена свобода, пожалован чин и подарен мундир русского офицера. Долгоруков объявил, что оставляет его начальником в Черногории. Всю ночь на 25 октября русские шли «на голос Степана, который... лучше других знал дорогу»⁶⁷. Факт поспешного, весьма напоминающего бегство отъезда оставил у многих черногорцев чувство горечи. В одном из писем Екатерине II в 1775 г. они писали, что с помощью Долгорукова надеялись освободиться от власти турок, а «генерал Долгоруку тайком уехал от нас»⁶⁸. Но ни у русских, ни у черногорцев не осталось сомнений в той роли, которую сыграл Степан Малый в завершении этой экспедиции. Миссия, задуманная для уничтожения самозванца, привела к новому подъему его авторитета.

Уже в последние дни своего пребывания в Черногории русские заметили, как возросло влияние Степана в народе. Еще находясь под замком в Цетинском монастыре, он сумел внушить окружающим мысль о том, как уважают его русские. «Смотрите, — говорил он охранявшим его русским солдатам, — сам Долгоруков признал меня царем, он поселил меня выше себя, на втором этаже, а сам поселился внизу»⁶⁹. Когда распространились слухи об отъезде русских, первой реакцией черногорцев было узнать о судьбе Степана. Цетинский воевода с полусотней людей силой ворвался в монастырь; обнаружив, что комната Степана пуста, нападавшие пришли в отчаяние («Теперь черногорцы погибли!»)⁷⁰. Не удивительно, что стоило русским погрузиться на корабль, отплыть — и Степан снова взял управление в свои руки.

А. Г. Орлов еще питал какие-то надежды на восстание против турок. В феврале 1770 г. он отправил в Котор капитана С. Средаковича (его венецианцы не пропустили в Черногорию). Но Степан и не думал поднимать народ на какое-либо активное выступление. Более того, он разослал письма всем черногорским племенам, запрещая нападать на венецианцев. Правда, сношений с русскими он не прекратил: турецкие документы упоминают какого-то монаха, который привозил Степану письма от русских из Италии, а весной 1771 г. Степан отправил к Орлову своего старого доверенного, монаха Феодосия Мркоевича⁷¹. Тем не менее его сдержанные поступки заметно контрастировали с мнением основной массы черногорцев. В апреле 1770 г. черногорская скупщина писала дожу: «Знаешь ли ты, господине, что мы и посейчас российские? Кто стоит против нас, стоит против России. Кто стоит против России, стоит против нас»⁷².

Осознавая необходимость подготовки к войне ради безопасности, Степан деятельно объезжал и осматривал местность, руководил прокладкой новых дорог. В один из объездов произошел трагический случай, положивший конец его деятельности. На одной из дорог рядом с ним взорвался заряд пороха. Степан был изувечен и потерял зрение. Его отнесли в монастырь Брчели, где он, искалеченный и слепой, оставался два последних года своей жизни. Но, как ни странно, он не стал политическим трупом. С ним советовались, к нему приезжали, он явно сохранял какие-то остатки былого авторитета. И венецианцы, и турки продолжали ощущать в его лице какую-то опасность; недаром наемные убийцы по-прежнему шныряли вокруг его дома. В октябре 1773 г. наступила развязка: какой-то грек, взятый Степаном на службу и подкупленный скадарским пашой, ночью перерезал ему горло.

5. Черногорские писатели XVIII в. о судьбах страны

Множество вопросов порождает 6-летняя деятельность черногорского самозванца. Как пришел он к мысли назваться Петром III? Как возникли у него идеи переустройства Черногории? В ком нашел он ближайшую поддержку? Наконец, кто же

⁶⁷ Там же, стр. 429.

⁶⁸ Г. Станојевић. Указ соч., стр. 72—73.

⁶⁹ В. Макушев напрасно сомневается в достоверности этого рассказа («Русский вестник», 1869, август, стр. 23), считая, что русские не поняли бы Степановой речи. Объяснялся же Долгоруков со Степаном, оставаясь с ним наедине, без переводчика.

⁷⁰ «Журнальная записка», стр. 425.

⁷¹ Г. Станојевић. Указ соч., стр. 79—81.

⁷² Ј. Миловић. Зборник докумената из историје Црне Горе (1685—1782). Цетинье. 1956, стр. 320—321.

он такой? И современники и потомки пытались и пытаются как-то ответить на эти вопросы. Первым это сделал Стефан Занович в своей книге «Лже-Петр III, русский император, или Степан Малый, то есть Стефан Небольшой, который появился в княжестве Черногория, расположенном между Эгейским морем, Турецкой Албанией и Адриатическим заливом, в 1767, 68, 69 гг.»⁷³. Петр Петрович Негош, знаменитый автор «Горного венца», посвятил самозванцу драму «Степан Малый». На протяжении первой половины XIX в. к образу Степана не раз обращались и другие черногорские авторы. Сюжет продолжал жить в сознании народа. Но серьезная научная разработка темы пришла позднее, и начали ее русские историки. В 1869 г. на страницах «Русского вестника» появилась работа В. Макушева, основанная на изучении данных венецианского архива — донесений венецианских осведомителей в Черногории. Затем на протяжении нескольких десятилетий накапливались и публиковались материалы, относящиеся к истории самозванца, а в 1957 г. вышла в свет солидная монография на эту тему — упоминавшаяся книга Г. Станоевича.

Ясно, что идея объединения и постепенного государственного переустройства Черногории была подготовлена всем предшествующим развитием страны. Мысль же назваться Петром III у Степана могла родиться хотя бы во время разговора с майором Тарасовым, русским офицером, который в 1766 г. привез в Черногорию вещи умершего в России владыки Василия Петровича (известно, что Степан встречался и беседовал с ним)⁷⁴. Но есть еще одно обстоятельство, ранее не отмечавшееся исследователями. После каждого очередного своего падения — позорного бегства от турок в 1768 г., ареста русскими в 1769 г. и даже после увечья в 1771 г. — Степан снова возвращал себе утраченный престиж. Одно за другим следовали тяжелые поражения, каждого из которых хватило бы, чтобы свалить даже законного представителя династии. А он, бродяга и чужак, вновь оказывался на гребне событий и у кормила власти. Точно какая-то сила выталкивала его на поверхность. Возможно, конечно, что какую-то роль в сохранении политических позиций Степана Малого сыграла глубокая вера черногорцев в чудесно спасшегося и укrywшегося в Черногории русского царя. Развезть ее полностью Долгорукову, по-видимому, не удалось. Но основную причину следует искать в той поддержке, которую оказали Степану определенные слои черногорского общества. Здесь нужно обратить внимание на группу фактов, которые до сих пор не рассматривались в единой связи.

Еще первые свидетели, оставившие описание облика самозванца, обратили внимание на то, что он говорил языком, свойственным священнослужителю. «Насколько я могу судить,.. эта личность — действительно духовное лицо, потому что за все время нашего разговора я не мог обнаружить в нем ни политической, ни государственной мудрости, но все он брал из священного писания и творений святых отцов... Я несколько раз спрашивал, не монах ли он»⁷⁴, — свидетельствует полковник венецианской службы Штуканович. Еще важнее, что Степан проявлял повышенный интерес к роли духовенства в обществе и с первых же шагов стал призывать клириков к исправлению нравов. Это стало лейтмотивом его публичных выступлений, не менее настойчивым, чем призыв к установлению мира в стране. Создается впечатление, что две цели постоянно заботили «царя»: объединение страны и восстановление авторитета церкви. И он не только декларировал, но и подкреплял заявления соответствующими мерами, например, перенес базарные дни с воскресенья на пятницу, чтобы увеличить приток молящихся на воскресную службу⁷⁵. Запрет двоеженства, о котором упоминалось выше, также мог быть продиктован мыслями о религиозном воспитании. Наконец, самых деятельных сторонников Степан нашел в духовной среде, прежде всего среди монахов. Одни из них (например, архимандрит Феодосий Мркоевич) под

⁷³ S. Z a n o v i c h. Le faux Pierre III, Empereur de Russie, ou Stepan Mali, c'est à dire Stephano Picolo, qui parut dans le duché de Montenegro, situé entre la mer Egée, l'Albanie Turc et le golf Adriatique, on 1767, 68, 69. L. 1784.

⁷⁴ Г. Станоевич. Указ. соч., стр. 12. Интересную гипотезу высказывает А. П. Бажова (А. П. Бажова. К вопросу о самозванстве кануна Крестьянской войны 1773—1775 гг. «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М. 1974, стр. 394—396), предполагающая, что Степан Малый мог окануться черногорцем на русской службе, майором Степаном Петровичем.

⁷⁵ Г. Станоевич. Указ. соч., стр. 12.

присягою «признавали» в нем русского царя, другие стали ярыми агитаторами в его пользу среди приморского населения. Иосиф Вукиевич даже оплатился за это жизнью: в декабре 1767 г. его повесили венецианцы. Третьи, как монах Елисей, стали просвещать народ, и в Черногории была открыта первая школа. Четвертые (Григорий Дрекалович и Аввакум) отправились с письмами Степана в Вену. Пятые стали эмиссарами самозванца в соседних славянских землях. В циркуляре, разосланном венецианцами, говорилось, что православные в Далмации «продолжают частью обманом, частью по злобе держаться одного неизвестного обманщика, которого поддерживают монахи»⁷⁶. Недаром в письме П. А. Румянцеву в дунайскую армию Екатерина, сообщая о появлении Лже-Петра III на Балканах, рекомендовала незамедлительно задерживать именно «попов и старцев», идущих из этих земель⁷⁷.

Суммируя все эти данные, можно отважиться на догадку о том, кто явился главной опорой Степана Малого в Черногории. В свое время П. А. Ровинский, знаток Черногории, проживший в этой стране много лет, высказал мысль, что за спиной самозванца стояла целая группа людей: «Творцами и дирижерами были люди, составившие целый комплот (архимандрит Ф. Мркевич, знатные главари), а Степан Малый был только вышколенный ими актер»⁷⁸. Лучше сказать сдержаннее: местное духовенство, особенно монашество, стало на сторону самозванца и оказало ему решительную поддержку. Неизвестно, с самого ли начала духовенство выдвинуло Степана, оно ли снабдило его программой действий и какая часть его поддерживала самозванца. Но то, что такая связь возникла, несомненно. Теократический режим, в условиях которого десятилетиями жила страна, наложил глубокий отпечаток и на такое своеобразное явление, как деятельность Лже-Петра III.

Поддержка, оказанная Степану со стороны духовенства, обуславливалась одним важным обстоятельством. Самозванец выступил от имени России, страны, связи с которой на протяжении XVIII в. являлись прерогативой черногорского духовенства. Взяв под свою опеку появившегося из России «царя», черногорское духовенство закрепляло тем самым монополию на сношения с Россией. Эта монополия клира на русско-черногорские отношения должна была вызвать противодействие у светских группировок правящего слоя страны, и в нашем распоряжении есть документальные доказательства этого противодействия. В 1970 г. в Югославии была опубликована рукопись «Краткое описание Зеты и Черной Горы»⁷⁹. Она была написана в марте 1774 г., через полгода после убийства Степана, но в течение двухсот лет оставалась никому не известной. Сразу же после того, как она была написана, ее отправили для издания в Вену, однако австрийские власти приняли решение уничтожить ее⁸⁰. Два экземпляра случайно сохранились в венгерском архиве. В 1956 г. первые сведения о ней проникли в печать⁸¹, а с 1970 г. книга — достояние общественности.

Рукопись принадлежит перу «сербина», оставшегося неизвестным. Он написал ее по-русски и посвятил графу А. Г. Орлову⁸². Таким образом, книга была рассчитана на русского читателя. Но в то же время она явилась продуктом чисто черногорских политических страстей. Возникнув в стране, где только что был убит человек, именовавший себя Петром III, в стране, которая долго жила ожиданием русских армий и русского флота, эта книга послужила свидетельством резкого оживления «русской темы» в сознании черногорцев. Рукопись, воспроизведенная в книге фототипическим способом, насчитывает 156 страниц и состоит из двух частей. 108 страниц составляет трактат, где автор повествует о географии страны, ее природных условиях, историческом прошлом и современном состоянии. Вторая часть содержит копии госу-

⁷⁶ Там же, стр. 28.

⁷⁷ М. Драговић. Указ. соч., стр. 12—13.

⁷⁸ П. А. Ровинский. Указ. соч., стр. 592.

⁷⁹ «Кратки опис Зете и Црне Горе». За штампу припремио С. Радовановић. Београд. 1970.

⁸⁰ К книге приложена служебная переписка венгерских цензоров, позволяющая проследить судьбу рукописи в конце XVIII века.

⁸¹ А. Ивић. Непознати писац рукописа «Краткое описание о Зете и Черной Горы». «Архивна граћа о југословенским книжевним и културним радницима». Књ V. Београд. 1956, стр. 111—115.

⁸² «Его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову, ея императорскаго величества высокоуполномоченному генералу, главнокомандующему морскими и сухопутными в Леванте войсками».

дарственных актов, монарших грамот, как черногорских, так и сербских, снятых по словам автора, «с оригиналов», в том числе с хранящихся ныне в Дубровницком архиве. Текст написан архаичным русским языком и с рядом ошибок. Эту черту автор знает за собой и просит «почтенного типографчика в чем найдутся неисправности пожаловать поправить» (стр. 179)⁸³. И тем не менее перед нами слог человека, который явно жил в России и свободно владел русским языком. Известно, что в Россию из Черногории часто наезжали духовные лица. Но наш аноним никоим образом не священник. Более того, он открытый враг духовенства.

Автор рукописи — человек книжный и знаток архивов. Он не только тщательно копирует старые грамоты, но вводит также в книгу научный аппарат и обнаруживает знакомство с западной исторической литературой (например, с книгой Леонардо Бруни «*De bello italico adversus Gothos*»). Ему известна история русско-черногорских отношений последних лет (например, приезд в Черногорию русского чиновника Пучкова в 1759 г. и майора Тарасова в 1766 г.). Однако изложение исторических событий для автора — не самоцель. «Краткое описание Зеты и Черной Горы» не ученое исследование, а политический трактат, в основу которого положено несколько злободневных идей. Первая из них состоит в том, что черногорцы независимы от Османской империи и что этой независимости они достигли самостоятельно. И горные границы, меж которых лежит страна, издревле принадлежат ей (стр. 48), и вся ее территория никогда не была покорена турками (стр. 88). Известно, что формально супрематия Порты распространялась на всю горную часть страны, и в русских донесениях эта часть именуется «турецкой»⁸⁴. Аноним берется опровергнуть эту мысль.

Он цитирует турецкие и венецианские документы и развивает последовательно ряд доводов. Для чего турки тратят столько сил и посылают войска, если Черногория и так им подчинена? (стр. 97). Как могли бы черногорцы свободно общаться с другими государствами, например, принимать на своей территории русских, если Черногория не является свободной? (стр. 99). Автор явно ведет полемику с какими-то оппонентами. Он называет их «пустоговорщиками,.. хоть и из природных сербов», настойчиво утверждая, что «Черная Гора никогда в подданстве не была и никакой подати не подлежала» (стр. 113). Есть и еще один смысл у этого тезиса. Когда русскому правительству в середине XVIII столетия потребовалось вывести черногорцев из России, возник вопрос: «Вольный ли народ черногорцы?». Справки наводились у австрийских и у венецианских министров. Отовсюду присылали ответ, что вольных черногорцев нет⁸⁵. Так в политических судьбах Черногории возникла проблема: свободна ли страна? Конечный вывод анонимного автора представляет собой недвусмысленный ответ на вопрос: да, страна свободна, и, поскольку она опирается на собственные силы, с ней надлежит сотрудничать. Учитывая, что эти доводы обращены к русскому командующему на Средиземном море, нетрудно понять их подлинный смысл.

Мужественный и храбрый черногорский народ, продолжает далее автор, поражен внутренними язвами, первой из которых является невежество и темнота. Здесь в голосе автора начинают звучать ноты, свойственные сторонникам европейского Просвещения. Он несколько раз возвращается к мысли о том, как необходимы народу школы. «Великое бы воздаяние... получил тот благородный сербин и вечную честь имени своему,.. кой бы... сыскался подать некоторое сему народу просвещение» (стр. 139). Однако главное несчастье Черногории заключается в политической анархии. Корень зла лежит в системе управления, «которое никакого примера с другим каким-либо народом... не имеет... Земля... без всяких письменных узаконений и прав гражданских, без верховной власти» (стр. 37). Черногорский народ добыл себе вольность, «но сия вольность переменялась потом в своеволие, а слабость... правления привела... в некоторый род анархии,.. что еще хуже... рабства» (стр. 126—127). Далее следует множество примеров неправоудия, беззакония и беспорядка.

И вот, изложив все эти идеи, автор переходит к главному тезису, пронизывающему книгу: к мысли о виновнике всех бед, терзающих страну. Этим виновником, по его твердому убеждению, является духовенство. «Духовенство такую силу взяло в

⁸³ Здесь и далее — пагинация не рукописи, а публикации.

⁸⁴ М. Драговић. Указ. соч., стр. 23—24.

⁸⁵ Там же, стр. 44—46.

мирских делах,.. оттого и поныне... несчастный сей народ... страдает» (стр. 43—44). Это произошло потому, что «духовенство под видом благочестия... не допускало никогда... узаконить полезные уставы,.. всегда искало народ в глубине невежества содержать» (стр. 38). Попытки изменить это положение оказывались безуспешными: «таковые... отвергаемы были духовенством» (стр. 52). «Худыми руками управляется (черногорский народ)», — не перестает повторять автор. Выход, по его мнению, возможен только один: «благоразумное управление может все поправить» (стр. 141).

Он не называет формы этого «благоразумного управления», но оно понятно и так. Это — светское государство. Ярко выраженная антиклерикальная направленность «Краткого описания» исключает мысль о том, что автор его был священником. Возможно, он был из числа тех черногорцев, которые побывали в России при Елизавете и задержались здесь. В этом случае не исключено, что он был знаком с описанием Черногории, которое сделал один из этих переселенцев, Иван Стефанович Балевиц, и которое дошло до нас⁸⁶. Во всяком случае, некоторые черты сходства (например, § 1 в описании Балевица, где он утверждает, что черногорцы «во всех художествах неискусны»; § 6, где указывается, что турки ни разу не смогли завоевать страну; § 11, где сообщается, что черногорцы считают себя вольными) дают основания говорить о воздействии. Не исключено, что аноним взял за основу схему Балевица. Но основные идеи, которые превращают «Краткое описание» в антиклерикальный политический трактат, принадлежат самому анонимному автору.

У нашего анонима был и другой предшественник, с которым он вступает в открытую, хотя и необъявленную полемику, — митрополит Василий Петрович, брат владыки Саввы, ровно за 20 лет до «Краткого описания» опубликовавший в России свою книгу. Митрополит побывал в Петербурге, получил субсидию и, дожидаясь отъезда на родину, напечатал в Москве, в синодальной типографии, книжечку в 40 страниц — «Историю о Черной Горе». Она содержала минимум географических описаний, бессистемно расположенных исторических сведений и была рассчитана на то, чтобы привлечь внимание русского общества к нуждам Черногории. Написанная по-русски, книга посвящалась вице-канцлеру М. И. Воронцову. Обе работы различны по идейной насыщенности. Из сочинения митрополита можно лишь сделать вывод о храбрости черногорцев как возможных союзников России («верность и постоянство одного народа, который за единую честь себе признает своим оружием услужить христианскому государю»⁸⁷) или извлечь мысль о том, что черногорцы — единственные наследники старого Сербского государства⁸⁸. Книга упорно стремится внушить читателю мысль о высокой роли церкви в истории южнославянских народов, да и заканчивается она перечнем церковных епархий в их землях. В противовес этому «Краткое описание» является четко обоснованной и страстно изложенной политической программой уничтожения теократического режима в стране и создания светского государства. Таким образом, «Краткое описание Зеты и Черной Горы» явно выходит за рамки спора с сочинением митрополита Василия. Оно выступает в качестве свидетельства той борьбы, которую вели между собой разные группировки черногорского общества.

Деятельность Степана Малого вполне укладывается в картину этой борьбы. Она выступает как одно из ее звеньев, когда была создана переходная форма правления: правитель стремится к созданию светской администрации, действует светскими методами, но вынужден опираться на церковные круги как на единственный слой, возвысившийся до понимания общечерногорских интересов⁸⁹. Характерно, что вся эта борьба разворачивается как бы с оглядкой на Россию, в русле черногорско-русских отношений. Именно здесь черпались идеи, оттачивались аргументы и отыскивалась аудитория, к которой апеллировали борющиеся. И даже имя, которое присвоил себе один из участников событий, тоже заимствуется из недавнего русского прошлого.

⁸⁶ Там же, стр. 48—50.

⁸⁷ Василий Петрович. История о Черной Горе. М. 1754, стр. 38—39.

⁸⁸ Там же, стр. 11—12.

⁸⁹ Никакой другой слой черногорского общества возвыситься до этой идеи не сумел. Не смогли этого сделать, в частности, племенные старшины. По своему положению в обществе они ближе других приблизились к статусу правящего слоя, но у них не оказалось качества, необходимого для того, чтобы стать этим слоем, — осознания общности своих интересов. Они так и остались враждующей племенной верхушкой (см. о черногорских «главарях» — D. Vujović. Op. cit., str. 47—48).